УТВЕРЖДАЮ:

Проректор по научной работе Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор физико-математических наук

_____ И.В. Ивонин

« 12 » мая 2017 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Национального исследовательского Томского государственного университета – на диссертационную работу Атнагулова Ирека Равильевича «Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей», представленную к защите в диссертационный совет Д 003.006.01 на базе Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

Актуальность темы диссертационной работы Атнагулова Ирека Равильевича не вызывает сомнений. Вопросы этнической истории конкретных народов, их становления и осознания своей «особости» в виде ли этнического самосознания, этничности или разных уровней идентичности останутся важной научной проблемой и для будущих поколений этнологов. Понимание истории человечества через цепь этногенезов, предложенное Л.Н. Гумилевым и воспринятое Ю.В. Бромлеем, дает возможность исследовать не только уже существующие этносы, но и те, которые складывались или складываются в более позднее время, когда это становится возможным фиксировать в письменных источниках. Поэтому мнение И.Р. Атнагулова относительно того, что начало нагайбаков как самостоятельного этноса уходит в XVI в., т.е. период присоединения

Казанского ханства и первоначального крещения его населения, вследствие чего появилась этноконфессиональная общность «кряшены» (С. 75, 94), заслуживает научного признания, т.к. указывает на начальный этап этнической истории нагайбаков. Дальнейшая их этническая история протекала в рамках Московского царства, Российской империи, Советского Союза и современной России.

Это также актуальная проблема и потому, что она затрагивает вопрос о влиянии государственной политики на формирование народов, и еще раз подтверждает тезис о том, что эта политика может трансформировать, перенаправить этнические процессы, но не способна их отменить. Таким образом, актуальность темы исследования определяется и выявлением механизмов взаимодействия этнических и политических процессов в сложении этнографической карты государства.

Кроме того, актуальность данной темы исследования позволяет продемонстрировать возможность совмещения принципов отечественной традиции изучения формирования этнического самосознания и выводов западных исследователей о его ситуативности, подвижности. Эта особенность этнического самосознания, на которую мало обращали внимание отечественные исследователи, создает возможности для конструирования различных идентичностей, не связанных с этническими, историческими, культурными и т.п. традициями народов. В результате создаются условия для манипулирования ими национальной и политической элитой в разных, чаще политических целях, что обостряет межэтнические отношения. Недаром говорят, что межэтнические войны «зарождаются» в академических кабинетах.

И, наконец, работа И.Р. Атнагулова актуальна и потому, что она показывает пластичность этноса, его высокие адаптационные способности к трансформациям, что и отражается в трансформации идентичностей и его устойчивость к тем «конструктам», которые не отражают понимание им самим собственного пути развития. Поэтому, как отмечает автор, «кряшенский и татарский дискурсы» не представляют интереса для нагайбаков (С. 266–269).

Однако в обосновании актуальности темы своего исследования И.Р. Атнагулов ограничился текстом в половину страницы, в котором акцент был сделан на признание нагайбаков – одним из народов России (С. 4). Ничего не было сказано о научной, общественно-политической значимости работы, о том, почему данное исследование важно не только для укрепления этнического самосознания нагайбаков, но и для понимания национальной политики Российского государства в начале XXI века.

Далее автор, вопреки существующей традиции структуры введения, определяет объект и предмет исследования. При этом под объектом понимаются «нагайбаки» (С. 4–5), с чем сложно согласиться – следуя из формулировки темы это должна быть «этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков». Далее идет определение предмета, что, в общем, соответствует теме исследования. Территориальные и хронологические рамки оговорены корректно, но все-таки их место не в начале введения. Наконец, с шестой страницы начинается «Историография вопроса», место которой должно быть сразу после определения актуальности темы. Несмотря на попытки автора придать некоторую стройность рассматриваемой исследовательской литературе, разделив ее по проблемно-хронологическому принципу, который иногда нарушается. Так, начиная рассматривать проблему этногенеза нагайбаков на странице 9, автор вновь возвращается к этому вопросу на странице 18, рассмотрев перед этим различные аспекты нагайбакской материальной культуры. Из представленной историографии И.Р. Атнагулов не делает вывода о том, какие достижения в изучении этнографии нагайбаков были сделаны, и что требует дальнейшего исследования, что и объясняет появление данной диссертации.

Далее в тексте введения идет рассмотрение «Источниковой базы» исследования. Не совсем понятен принцип выделения некоторых видов источников. Например, «историко-архивные материалы», среди которых «мемуарные записи», «полевые материалы, хранящиеся в фондах…» различных архивов. «К этой же группе источников», – как отмечает автор, –

«относятся похозяйственные книги…» (С. 26). Получается, что все архивные материалы и есть отдельный вид источников. Автор не выделил, пожалуй, самый распространенный вид архивных источников – делопроизводственную документацию, хотя и перечислил ряд архивных документов, которые относятся именно к этому виду источников. Что же касается «мемуарных записок», то они относятся к «источникам личного происхождения». Полевые материалы составляют отдельный вид источника, однако те, что хранятся в архивах, вошли в «историко-архивные материалы», а собственные записи автора составили выделенный «особый» вид источников – «полевые материалы» (С. 29–31). В данном случае автор проводит разницу между видами источников по месту их хранения, однако виды источников определяются их содержанием или способом получения. Поэтому, видимо, автор работы еще раз и выделяет не только свои «полевые материалы», но и «мемуары» (С. 35), и «похозяйственные книги» (С. 34) как отдельные виды источников. «Статистические материалы» – еще один вид источников. К ним, по мнению автора, относятся «ревизии», «текущая документация и справочники», «переписи» (С. 31–34), хотя «переписи», «ревизии», как и «похозяйственные книги», скорее, относятся к «Учетной документации». Но еще большее недоумение вызывает отнесение автором диссертации описаний путешествий П.И. Рычкова, Н.П. Рычкова, И.И. Лепехина, И.Г. Георги, «академика Фалька», М.А. Круковского к такому виду источников, как «публицистика» (С. 35–37). Думается, что такое понимание источниковедения вряд ли допустимо для исследователя, претендующего на докторскую степень.

После характеристики источниковой базы дается определение цели исследования, которая сформулирована громоздко и многопланово, там и «воссоздание истории становления структуры идентичностей нагайбаков и выявление факторов и механизмов ее трансформации в контексте российской истории XVIII – начала XXI вв.», и попытка «дать ее исчерпывающую характеристику, актуальную для новейшей истории» (С. 41). Все-таки

следовало бы выделить наиболее важное направление для данного исследования. Что же касается формулирования задач, то они определены корректно, что и отразилось на логичности изложения основного текста диссертации.

Тезисы, выносимые на защиту, нашли полное отражение и подтверждение в тексте диссертации, и могут считаться защищенными. Относительно новизны исследования также следует согласиться, что многие тезисы, обозначенные И.Р. Атнагуловым, действительно отражают новизну проведенного исследования и многих полученных выводов. Это первая работа, посвященная выявлению уровней идентичности у нагайбаков XX – начала XXI веков, появившаяся в результате многолетней систематической работы автора по сбору материалов, в том числе достаточно масштабного анкетирования. Выводы исследования не противоречат аналогичным процессам, протекающим у других народов России, и еще раз подчеркивают связь между этническими процессами, государственной политикой, которая может как сдерживать, так и ускорять этническое формирование народа, вследствие чего происходит либо затухание, либо актуализация этнического самосознания и, соответственно, актуализация определенных уровней идентичности.

Рассматривая введение, не раз обращалось внимание на полное игнорирование И.Р. Атнагуловым принятой в научных работах структуры и последовательности изложения основных положений этой обязательной части диссертационной работы. Если к этому добавить систематическое нарушение правил оформления сносок, то возникает вопрос о научной культуре исследователя. Но парадокс данной работы в том, что содержание самой работы, хотя и вызывает некоторые вопросы, часть которых может быть предметом дискуссии, вполне приемлемо.

Наибольшие сомнения вызывает определенная автором методология, которую он использовал в своем диссертационном сочинении. Складывается впечатление, что автор не понимает сути ни примордиалистского, ни

конструктивистского подхода в изучении этничности. «Общую методологию диссертационного исследования» он определяет как «полипарадигмальный подход, опирающийся на современные теории этноса и этничности, использующий такие базовые понятия этнологии как этногенез и этническая истории, реальность этноса, динамичный характер трансформаций идентичностей» А далее: «Методологическим основанием работы является констуктивистский подход» (С.46).

Структура диссертации, ее содержание и выводы полностью соответствуют исследованию, выполненному в рамках полипарадигмального подхода. Более того, первые три главы написаны на основе примордиалистской концепции. В них рассматриваются этногенез и этническая история нагайбаков, конфессиональные, территориальный, сословный факторы их формирования – сначала как части кряшен, потом казаков с четко определенной территорией проживания и моноэтничным характером поселений. Автор рассматривает их образ жизни, хозяйственные занятия, одежду, строительную технику, традиционную кухню. Смену идентичности И.Р. Атнагулов четко соотносит с христианизацией населения Восточного Закамья и появлением полиэтничной общности кряшен, как альтернативную мусульманскому населению (С. 75–76). Принятие части кряшен в казачье сословие закладывает основу будущего этноса нагайбаков (С. 63). Переселение в южное Зауралье и изменение преимущественно татарского населения на русское усиливает внутриконсолидационные процессы и в совокупности с эндогамией приводит к появлению нового народа – нагайбаков. Этот этноним фиксируется в 1927 г. как официальный и в совокупности с образованием Нагайбакского района усиливает собственно этническую идентичность нагайбаков (С. 251). Где здесь проявление конструктивизма, и где та элита, которая «изобретает традиции»? Действуют исторические общероссийские тенденции.

В последней главе на основе анкетирования И.Р. Атнагулов пытается разобраться в идентичности современных нагайбаков. Однако среди

маркеров, определяющих границы нагайбакской идентичности самими нагайбаками вновь фигурируют те же признаки этноса – язык, кухня, материальная культура, конфессия (С. 280–281). В какой-то степени – интерес к прошлому, как «героическому», может приобрести форму конструкта, но, судя по выводам автора, он интересен для нагайбаков как потомков казаков, но не актуализирован. И поэтому «казачья» идентичность вылилась в песенно-фольклорные ансамбли, а не политические претензии, которые известны у некоторых других групп казаков России. Важно и то, что история и культура нагайбаков окружающим населением воспринимается доброжелательно, что проявляется, хотя и незначительном, но в увеличении межэтнических браков (С. 244), так и в общей спокойной межэтнической ситуации в Нагайбакском районе.

В этой связи не совсем понятно, в чем выразилась «плодотворность» применения «конструктивистского подхода в изучении феномена этничности», о чем он пишет в теоретической значимости своей работы (С.51). Полипарадигмальный подход позволил совместить как достижения в изучении теории этноса отечественными учеными, так и понимание возможности создания «виртуального пространства» и искусственного «изобретения традиции», вплоть до идентичностей. Диссертационное сочинение И.Р. Атнагулова полностью опирается на традиции отечественной этнологии, что и позволило ее автору провести серьезное научное исследование. Что же касается использования конструктивистского подхода в изучении этничности, то он как раз присущ некоторым ученым из Республики Татарстан, о которых пишет автор диссертации (С. 268–269), стремящихся создать единую «татарскую» идентичность для всего тюркоязычного населения от Волги до Енисея, без учета той этнической специфики и собственных уровней идентичности, которые, на примере нагайбаков, и рассмотрел И.Р. Атнагулов.

Несмотря на достаточную глубину исследования, автор, в основном ограничился изучением процессов трансформации идентичности у

центральной группы нагайбаков, материалы по северной группе появляются в последней главе. И.Р. Атнагулов только констатирует, что эта группа ассимилировалась (С. 284–285), но условия, факторы ассимиляции не выявлены. Могло бы получиться интересное сравнение двух групп одного народа, перспективы которых оказались столь непохожими. Что же касается материалов последней главы, прежде всего, представлений нагайбаков об окружающих их народах, о степени сходства и различия их культур, ценностей, манеры поведения, то это очень мощная источниковая база не только для этнологов, но и этнопсихологов.

Диссертация Атнагулова Ирека Равильевича «Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков; становление и трансформация идентичностей» вызывает прямо противоположные оценки. Введение – его структура и содержание, игнорирование правильного оформления сносок, непонимание используемой методологии – это основа профессиональной культуры ученого, и они не соответствуют даже требованиям к курсовым работам. Эти вопросы решаются на стадии обсуждения и рекомендации к защите. Непонятно, как при таких серьезных недоработках диссертация была представлена к защите. Само содержание диссертации, огромная полевая работа, связанная как со сбором этнографического материала, так и составления и обработки анкет, мощное приложение можно оценивать как соответствующие требованиям к докторским работам.

Результаты исследования апробированы на всероссийских и международных конференциях, представлены в 42 публикациях автора, среди которых 17 статей опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат диссертации отражает содержание и основные положения исследования.

Представленная к защите докторская диссертация «Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей» Атнагулова Ирека Равильевича является самостоятельной научно-квалификационной работой, выполненной на соответствующем

профессиональном уровне, вносящей определенный вклад в изучение народов России, теории идентичностей, но часть квалификационных требований оказались невыполненными, что не соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор не достоин присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология.

Отзыв подготовлен профессором кафедры отечественной истории Томского государственного университета, доктором исторических наук (07.00.02 – Отечественная история), профессором Шерстовой Людмилой Ивановной.

Отзыв заслушан и утвержден на заседании кафедры отечественной истории Томского государственного университета 10 мая 2017 г., протокол № 25.

Заведующий кафедрой отечественной истории ТГУ,
доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история),
профессор Зиновьев Василий Павлович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: (3822) 529-852. E-mail: rector@tsu.ru. Web-сайт: http://www.tsu.ru